

В чём сила поэзии Михаила Сопина?

Голос замученной юности

ОСУЖДЁННЫЙ. Сопин Михаил Николаевич, 1931 года рождения, по Указу от 4.06.1947 приговорённый к семнадцати годам лишения свободы, реабилитирован не был. Этот печально известный Указ призван был ужесточить меру наказания за грабежи в послевоенное время. Но в реальности он стал порталом, через который великие стройки коммунизма получали бесплатную молодую рабочую силу. Так, дело, по которому проходил Сопин, касалось коллективного угона велосипеда. Арес-

тованный 27 июня 1955 г., весь «коллектив» вышел на свободу 27 июня 1970 (два года скостил Пермский суд). Если расшифровать эти протокольные данные, то получается, что вошли на зону двадцатилетние мальчишки, а вышли сороколетние мужчины, проведя самое активное, плодотворное время своей жизни в унижении и полном ограничении всех возможностей. В хрущёвскую оттепель такие «мелкие» дела, в отличие от дел политических, не были приняты даже к пересмотру. Дела эти «по истечению срока хранения» просто уни-

Трудной была судьба людей, «обугленных веком», не менее трагически сложилась и судьба их литературного творчества — книг, стихов, воспоминаний и лагерных тетрадей.

Татьяна Ивановна Ковалькова, журналист, Санкт-Петербург

Михаил Николаевич Сопин, поэт. Родился в 1931, в селе Ломном Курской области. Отец — коммунист, испытатель на Харьковском танковом заводе. Был арестован в конце 1930-х, но через год отпущен. Скоропостижно скончался перед войной. Мать из казачьего рода. От бабушки по матери достался песенный дар и волевой характер. В оккупации по заданию бабушки десятилетним мальчиком помогал нашим выходить из окружения. С армией Москаленко дошёл до Потсдама. После войны работал в колхозе, окончил ремесленное училище, работал токарем на заводе. В 1951 году был арестован за хранение оружия. Отбывал срок на строительстве Волго-Балта. Вторично в 1955 по статье указа от 4.06.47 («Об усилении борьбы с государственными и вольными хищениями»). Пятнадцатилетний срок отбывал в Пермских северных лагерях. В лагере закончил заочно десятилетку, немного учительствовал «без отрыва от основной трудовой деятельности». Там же, в лагерях, начал всерьёз писать стихи.

По отбытии срока переехал в Пермь. Трудился сантехником, имел семью, двух сыновей (старший сын Глеб погиб в армии в 1990 г.). В Перми его не печатали. По рекомендации критика В. В. Кожина переехал в Вологду, которая на тот момент оказалась самым свободным культурным пространством. В Вологде получил поддержку местной писательской организации. В 1985 году вышел его первый сборник «Предвестный свет», в дальнейшем — небольшие сборники: «Судьбы моей поле», «Смещение», «Обугленные веком», «Молитвы времени разлома», «Свобода — тягостная ноша». Восемь его прижизненных книг критики почти не имели. С 1991 г. — член Союза писателей России. Умер в 2004 г. в Вологде. Посмертно, в 2006 в Чикаго вышла поэтическая биография «Пока живёшь, душа, люби!», переизданная в России в 2011 под названием «Спелый дождь» (в соавторстве с Татьяной Сопиной). После смерти вдова издала ещё 12 книг-брошюр (тираж до 100 экземпляров): 4 книги стихов, лагерные тетради, публицистика, афоризмы, письма.

чтожались. И дел таких были миллионы...

Понять, как складывались эти миллионы судеб, можно лишь вобрав эту скорбь целиком. Типичность лишь усиливает каждую приоткрывающуюся стороннему взгляду личную трагедию. У этих людей не было, как, скажем, у воинов-афганцев, формальных зацепок для объединения в какую-то общественную силу. Все были раздавлены и деморализованы уголовными статьями, а в глазах общества у них не было шанса даже на крупную сочувствия, ибо согласно официальному идеологическому курсу этих миллионов у нас в стране не было.

На поселение Глушиное. Пермская область. 1967 г.

Михаилу Сопину выпал жребий стать голосом этой замученной послевоенной юности. Это поколение появилось на свет в 1920–30-е гг., в атмосфере великой революционной надежды. Их отцы и матери были полны энтузиазма и веры в строительство новой, справедливой жизни на земле (именно так, на земле, а не только в отдельно взятой России). Молох войны забрал их романтические жизни, а «крошка Цахес» коммунизма уродовал их детей. Вот с таким метафизическим наследством волевой и умный, человек — ЗК, с жадной познать себя и причины пережитого бедствия Михаил Сопин вошёл в великую русскую литературу. Его поэзия обогатила русский язык не одним неологизмом, но самым востребованным, пожалуй, оказалось слово «одиночество». Иосиф Бродский как-то сказал, что опыт русских в XX веке был самым чудовищным, нас выставили на экзистенциальный холод бытия¹. Этот холод точнейшим образом передаётся словом «одиночество».

Что же удивительного в том, что музой Михаила Сопина стала Мельпомена. В античной традиции — муза трагиче-

ской поэзии. Обычно её изображали с трагической маской в одной руке и палицей или мечом — в другой. Меч был символом неотвратимости наказания за нарушения воли богов, а в более широком смысле — законов бытия, а маска — обобщённый образ страдания.

«Своим, земным, живым поющим братьям я улыбнусь незрячей болью слёз...»

Другой нобелевский лауреат — польский поэт Чеслав Милош говорит о том, что поэзия, как сакральное искусство слова, которое берёт начало в сердцевице Всеобщего Бытия *«всегда осознавала свою страшную ответственность и всегда верно шла за таинственными печальями великой народной души»²*.

Поэзия богемы, а в русской культуре поэзия Серебряного века (за исключением, конечно, «Цеха поэтов») утратила эту способность. Она ушла в область подсознания. *«Эти педантичные эскерсисы у девятисот девяноста девяти поэтов из тысячи не привели ни к чему, кроме языковых открытий, заключающихся в неожиданных сочетаниях слов, но не являвшихся выражением внутренней, ментальной или психической*

1983 г.

деятельности. В итоге, достойная сожаления потеря ориентации вырыла пропасть между поэтом и великим родом людским...»³ После двух мировых войн, концлагерей и газовых камер, выросла новая поэзия «на руинах». Наши поэты-шестидесятники: Вознесенский, Евтушенко, Ахмадулина и иже с ними, цеплялись за паттерны Серебряного века, главным образом затем, чтобы оправдать своё привилегированное положение, так не вяжущееся с коммунистической идеологией. Это выглядело оппозиционно, передово, но, по сути, было отражением духа новой, уже советской буржуазии, с её ощущением собственной исключительности, элитарности. Флёр «тонких душевных пережива-

ний» на фоне материального благополучия был уместен в свете новой политики партии и правительства после XX съезда партии (1956 год) по созданию образа «социализма с человеческим лицом». Поэтому всё, что могло дать даже намёк на его нечеловеческое лицо, пресекалось на корню. Главным редакторам толстых журналов «в штатском» не требовалось директив сверху для того, чтобы не печатать таких авторов, как Михаил Сопин или Варлам Шаламов. У них срабатывало «классовое чутьё»: не свой. Сколько можно писать о войне и лагерях, — отговаривались они. Живя в ином измерении, они не могли понять, что пережитое на той войне не есть тема. Это место рождения принципиально новой литературы, эсхатологической по сути, вернувшейся к своим классическим, мистериальным корням. Новые поэты воссоединились с «великой народной душой» и сумели стать Вергилиями в Дантовских кругах ада.

Я —
Зыбкость сугробов,
Накат раскалённой волны.
Я — детская обувь
На мёртвых дорогах войны.
Я — стон измождённых
В застенках,
В рудничной пыли.
Я — вопль нерождённых
В раздавленном
Чреве
Земли.

Личный опыт страдания в поэзии Михаила Сопина преодолевается. Его поэзия — это, несомненно, ещё и путь саморазвития, восхождения от силы к силе.

То в пламень чувств,
То в стылый веря разом,
Юродствуя,
Сметая алтари,
Стремясь со злом —
В себе!

Покончить разом,
Мы столько бед успели натворить.

В авторском предисловии к своей книге «Обугленные веком», изданной в Архангельске в 1995 г. по рекомендации критика Вадима Кожина, он так написал об этом опыте: *«Мы входили в жизнь без идеологических шор, с широко распахнутыми глазами от бомб 1941 года. Мои откровения не давались мне через лозунги и декреты. Всегда че-*

рез личные потери, через страдания. Мы искали в правителе высшего судию, а находили в рабе палача. Мы жаждали от сильного покровительства, а находили в слабом садиста. Мы искали в незнакомом друга, а находили в кровном врага... Мы собачьими глазами просили у общества участливой нежности, а общество обеспечивало нас ненавистью по высшей категории. Материнскую ласку, друга, любимую, свободу, пайку и махорку нам годами заменяла ненависть. Так было до тех пор, пока я однажды не увидел, что ненависть плачет беспомощными слезами... Почему? Потому что наша ненависть являла собой бессмысленную, щенячью форму самозащиты, рассчитанной на милосердие, от обнажённой общественной дикости. Мы входили в мир без идеологических шор и уходим из жизни без политических иллюзий. Именно это укрепляет меня в убеждённости: рано или поздно, при мне это произойдёт или без меня, если ненависть способна заплакать покаянными слезами, Родина неизбежно обретёт человеческий облик. Так думаю. Над этим работаю».

Начать с себя. Как писал в другом месте Михаил Сопин, «выдавливает раба по капле в себе, а не в другом», — разве это правильный призыв для поэта-фронтовика? Имидж автора стихов о войне, или клише поэт-фронтовик, за Сопиным закрепилось после первых публикаций в Вологде его стихов о войне. Только такие стихи бывшего зэка были допущены цензурой. Сопин был безмерно рад и такому. Он приехал в Вологду из Перми, где его не печатали совсем (отчего, по свидетельству жены Татьяны Сопиной, у него была попытка самоубийства). В 1990-е гг. едва возникший интерес к поэту-фронтовику был потерян, и его снова перестали печатать. Поэтому в общественном сознании он закрепился как автор стихов о войне, хотя и весьма своеобразный, ибо заговорил очень ярко и выразительно о человеческих потерях страны-победительницы. Наиболее полно эта мысль раскрыта в поэме «Агония триумфа».

И только с началом 2000-х, выйдя на просторы интернета, куда он мог выложить самые разнообразные тексты, он обрёл настоящего читателя. На его пер-

сональной странице на сайте областной Вологодской областной универсальной научной библиотеки, в разделе «Выдающиеся люди Вологодского края», значатся 75 публикаций, посвящённых его творчеству. В основном это газетные и журнальные статьи вологодских авторов, но есть несколько воспреемников его поэзии в Белгороде, Москве, Петербурге. Там из множества свидетельств складывается образ цельного, глубокого человека, спонтанного русского характера и очень верного сердца.

Онтологическое одиночество, постигнутое им через опыт смерти, освободило душу, сделало её зрячей. Сопин

Михаил Сопин. Фото Юрия Чернова

имел эсхилловский опыт умирания и воскресения, поэтому его поэзия чиста, как колодезная вода. В неё страшно окунаться — глубока водица и холодна. Но вода эта живая. Она производная от исполненного нравственного закона.

*Вода, вода...
Гляжу в тебя,
Гляжу до головокруженья,
И забываю счёт годам
От сопричасности к движенью.
Как будто я тебе сродни,
Но до поры очеловечен.
Как будто бы я сам родник,
Из этой вечности возник,
По ней иду,
И путь мой вечен.*

Он как будто заглянул за предел нравственного совершенства, увидел там образ совершенного Человека и сравнил с собой. Поэтому так часто в его стихах звучит тема прощения: он

просит прощения у людей, земли, всякой твари.

Частыми являются и обращения к душе своей. «Не вой, душа. Начнём с начала...», «Душа, душа, ты — почта полевая, со всей России боль к тебе идёт...», «Пока живёшь, душа, люби — холмы в пути или равнина. Ты не могла хранить обид, и потому сама хранима...» Поэт беседует с душой, как с отдельной от себя личностью, он чувствует её самостоятельную жизнь. То голос разума призывает её быть бдительной, то голос сострадания утешает её и укрепляет в испытаниях, то вдруг весёлый голос предлагает разделить с ней радость бытия. Душа для Сопина не фигура поэтической речи. Он совершенный реалист, который видит разные уровни реальности, в том числе и метафизический. Многосоставность личности человека для него очевидна. Опытным путём он обнаружил место, где кроется зло. Он обнаружил причину зла и с тех пор стал бороться за добро в человеке. Цельность его природы не принимает полуправды, не мирится с ней, и в то же время он по-отечески жалеет людей. Это есть признаки подлинной религиозности (лат. religare — воссоединять, или religio — совестливость, благочестие, благоговение). Он не был церковным человеком ни тогда, когда это каралось, ни потом, когда стало поощряться в обществе. Но «Дух смирения, терпения и любви...» пронизывает всю его поэзию и в этом смысле она подлинно христианская. И даже не частый ропот лишь подтверждает это живое религиозное чувство, вершиной которого является сострадание ко всему живому.

*Я, наверное,
Сердцем уцербен:
Каждой кляче,
Уставшей в степи,
Каждой
В осень рыдающей вербе
Я готов
Свою жизнь уступить.*

Примечательно, что слово «сострадание» в церковнославянских переводах Библии неоднократно переводилось как «щедроты» (на иврите у этих слов общий корень). Речь идёт о щедрости, сострадании, на такой глубине милующей любви, которая охватывает всё существо Бога и призвано по пятой запове-

ди Христовой охватить и существо, «нутро» человека. Сострадание Господне, а с ним и спасение, «милость», «помилование» — тому, кто всем своим существом способен отозваться на боль и невзгоды другого человека. В православной гимнографической традиции это высшее сострадание обозначается словом «благоутробие». В нравственном отношении это качество стоит выше деятельного добра, которое таит в себе опасность гордыни и самодовольства. Однако прекраснотворное, рождаемое созерцательной бездеятельностью, тоже опасно. Опыт личного страдания оберегает Михаила Сопина от этих соблазнов. Он поэт Божьей милостью, и его дело — слово.

*Поэт — глашатай
Высшей воли.
Всё, что вверялось лично мне,
Я говорил по Божьей воле
Глухой,
Бесчувственной стране.*

В его слове личное страдание преодолено: ни тени осуждения, озлобленности, мстительности. Не возникает извечных скучных вопросов «кто виноват?» и «что делать?». Это очень русская черта, точнее, лучшая черта русского характера. Именно способность к состраданию порождает прощение.

*За всё, что выстрадал
Когда-то,
За всё, чего понять не мог —
Две тени —
Зэка и солдата —
Идут за мною
Вдоль дорог.
После боёв
Святых и правых
Молитву позднюю творю:
Следы моих сапог кровавых
Видны —
Носками к алтарю.
Есть в запоздалом разговоре,
Есть смысл:
За каждый век и год,
Пока не выкричится в горе,
Пока не выплачется в горе,
Любя, душа не запоёт.*

Опыт Михаила Сопина бесценен для поколений, вступающих в жизнь в эпоху глобального мультикультурного тоталитаризма. Он полноценный человек, то есть цельная личность — сохранившая чистоту. В контексте надвигающегося царства «мёртвых душ», точно описан-

ного основателем русского метафизического реализма Юрием Мамлеевым в своих последних романах, особенно в романе «После конца», его пример стояния в правде чрезвычайно актуален. Мысль его лишена дуалистической советско-антисоветской растерзанности. Она прокладывает новый, третий путь, который вполне укоренён в традиции русского бытия. Без акта покаяния невозможно изменение социального устройства, но для этого общество должно ощутить себя народом. Покаяние же без сострадания — невозможно. Так поэт и мыслитель Михаил Сопин выходит к ещё одной глобальной для се-

бя теме — теме Родины. Ей посвящена чуть не треть его текстов. Но в его гражданской лирике нет сиюминутных политических смыслов. Понятие «родины» Сопиным недвусмысленно отделено от понятия «государство». Поэтому так пронзительны лирические обращения к ней. Во многих текстах сквозит тревога за судьбу исторической родины — России. Но в итоге своих размышлений на эту тему поэт поднимается до планетарного масштаба. Ему приоткрываются законы живой земли — Родины всего человечества. И поэтому строки его звучат пророчески:

*Боль безъязыкой
не была.
Умеющему слышать — проще:
когда молчат колокола,
я слышу звон
осенней рощи.
Я помню —*

*в зареве костра
гортанные чужие речи,
что миром будет
править страх,
сердца и души искалечив.
Так будет длиться —
к году год,
чтоб сердце праведное
сжалось.
Любовь
навечно отомрёт,
и предрассудком станет жалость...
Но дух мой верил
в Высший суд!
Я сам творил
тот суд посильно,
чтоб смертный
приговор отцу
не подписать
рукою сына.*

Опубликована в альманахе «Русский миръ» №10, 2016. Перепечатка со ссылкой на альманах — обязательна.

С автором можно связаться:
tikovalkova@gmail.com

Примечания:

¹ Фрагмент интервью из документального фильма «Прогулки с Бродским», режиссёр — Елена Якович (1994): «...В течение этого столетия русскому человеку выпало такое, ни одному народу (ну, может быть, китайцам досталось больше), но я не хочу говорить о китайцах, я не хочу говорить о других — чего ни одному народу, населяющему северную часть Евразии, не выпадало. Мы знаем, то есть мы увидели абсолютно голую, буквально голую основу жизни. Нас раздели и разули и выставили на колоссальный экзистенциальный холод. И я думаю, что результатом этого не должны быть ирония, результатом этого должно быть взаимное сострадание. И этого я не вижу ни в политической жизни выраженных, я не вижу этого в культуре. И это тем горше, особенно когда это касается культуры, потому что, в общем, происходит такое... самый главный человек в обществе — это человек более или менее остроумный и издевающийся. И это мне колоссально не нравится...»

² Чеслав Милош. Свидетельство поэзии. Шесть лекций о недугах нашего века. — Москва: Центр книги Рудомино, 2013. — С. 30.

³ Там же. С. 31.

О судьбе поэта Михаила Николаевича Сопина.

Поэзия, Сопин, русская литература XX века

This article is about the fate of the poet Mikhail Nikolayevich Sopin.

Poetry, Sopin, Russian literature of the 20th century